

УБІЙСТВО ПО СУДУ

В послѣднее ноябрьское воскресенье, в Марсели, в церковкѣ Добраго Иисуса, орден “кающихся монахов” поминает всѣх казненных. Хорошіе монахи, и хорошо дѣлают, что каются, и есть в чем каяться монахам именно по этой части, особенно, если вспомнить времена инквизиціи. Впрочем каются и Іоани Грозный, составившій себѣ знаменитую памятку, куда, вмѣстѣ с извѣстными, заносил и тѣх, имена которых “ты, Господи, вѣси”.

В марсельскую церковку в этот день слетаются тѣни казненных со всего свѣта, в том числѣ и из нашей страны. Среди этих тѣней самыя счастливыя—недавних мучеников жизнь которых отнята легкой пулей; как ни странно, но все-же есть какое-то отличіе одного способа казни от другого, по крайней мѣрѣ утверждают, что приговоренные предпочитают яд—висѣлицѣ. Тѣни разстрѣлянных со страхом косятся на гору обрубков и обгорѣлых подобій челоуѣка. Мы плохо знаем исторію, если думаем, что только инквизиторы западных стран воздвигали костры! В толпѣ тѣней—свидѣтели много. Вон боярин Андрей Димитріев с женой, сожженные всенародно князем Іоанном Можайским за волшебство; с ними рядом сожженные в клѣткѣ на берегу Москва-рѣки князь Лукомскій и поляк Матіас, еретики Волк Курицын, Дмитрій Коноплев, Иван Максимов, Некрас Рукавов, архимандрит Кассіан с братом. Двоих князей, Воронинскаго и Одоевскаго, зажарил живьем

царь Иван Грозный; его кроткий сын Федор сжег колдуна, который слазил татарскаго царевича. На медленном огнѣ поджаренный, умер “геройской смертью” стародубскій сын боярскій в 17 вѣкѣ. По отсѣченіи рук сожжен поляк Блонскій, “стрѣлявшій в икону богородицы”. Публично сожжен Корнило Семенов, “у котораго нашлись заговоры”. О множествѣ казней сожженіем говорит исторія раскола. Жгли волшебников, чародѣев, попов-раскольников (“не молился богу за царя”), жгли за ересь двуперстную, “за хулу на православную вѣру”, за “науку магію”, за “неявку на исповѣдь”, все—во имя и во славу добраго Іисуса! Жгли еще в дни голода, когда отощавшіе люди “мѣх ядачу, кору липову и лист ильм; иные рѣзаху люди живыя и ядачу”,—и за это их самих “сожигаху тако творящих”.

И хотя Петръ Великій жалѣлъ тратить дрова на неуклюжіе костры, а клал цѣльные бревна, на которых в образцовом порядкѣ отсѣкались головы стрѣльцов,—но все-же и к нашим временам ближе жарилось на веселом огнѣ человѣческое мясо. В 1737 году живьем сожжены в Петербургѣ два мужика поджигателя “по подозрѣнію”; много позже в Москвѣ сожжена повинившаяся при розыскѣ дворовая дѣвка князя Долгорукова.

Палили огнем, рубили головы и четвертовали. Чтобы человѣкъ не сразу умер, а хорошо почувствовал разлуку с жизнью, сначала отсѣкали ноги и руки, потом и голову. Части тѣла разносили по городу в четыре конца—народу на показ и для острастки. Так было при просвѣщеннѣйшей матери народа, Екатеринѣ Великой, пріятельницѣ философ-энциклопедистов.

И вот правы стали смягчатся. Пришла висѣлица (ни крови, ни больших расходов!). В морозный день вѣшали Пестеля, Рылѣва, Каховскаго, Бестужева и Муравьева. Еще не было настоящаго опыта, были новы палачи, не умѣли мылить веревку: петли затанулись плохо, шеи выскользнули. Зачѣм тут придумывать историческую фразу: “и повѣсить не умѣют!”—она не была сказана, и

кашнимым не до зубоскальства. Опыт пришел скоро — стали вѣшать ловко, быстро и безошибочно. Правда, Николаю Первому больше нравились шпицрутены и штыки: “Прогнать двѣнадцать раз сквозь тысячу человек! У нас, слава Богу, нѣтъ смертной казни, и не мнѣ ее вводить!”

Но привилась, и надолго, все-таки веревка. Не сосчитать тѣней, прилетающих в Марсель из страны бѣлаго медвѣдя! Среди них—тѣ, кого мы знали близко, с кѣм пивали чай, спорили до хрипоты и “подрывали основы”; тяжкіе преступники! Их тѣни теперь толнятся тѣсно и в обнимку с тѣпями тѣх, кто их судили и вѣшали, — ибо смѣнились правители, идеи и законы. Моряки-офицеры с камнем на шеѣ, в морских глубинах головой вниз; тѣни с барок, потопленных близ Кропитадта; безобидная старушка-дворянка с пикчемным старичком-мужем; тысячи молодых и старых, разстрѣлянных на разсвѣтѣ близ лѣсной опушки; выходцы из московскаго варсопофьевскаго гаража и из подвалов Лубянки; безусые заговорщики-гимназисты; бандиты и спекулянты, не расчитавшіе размаха, и среди них—деревенскій мужичек, продавшій куль картошки; профессора, врачи, писатели, чиновники, священники, вообще “граждане” и “гражданки”, имена же их ты, Господи, вѣси. Судьи и прокуроры, ранѣе отправлявшіе на тот свѣтъ других,—конечно с соблюденіем всѣх нужных статей закона. Но и их не всѣх зря: тоже—и трибунал, и обвиненіе, и защита,—полное обезпеченіе правосудія. А еще позже, уже совсѣм в наши дни — повѣйшая планомѣрная расправа с великими специалистами по расправѣ, придуреніе и окровавленіе душителей и окровавителей, — и исторія еще не закончена.

В хаосѣ звѣрствъ массовых и громких—пезамѣтно, под шумок, откусывает головки симпатичная французская гильотина и пощелкивает искоркой американское кресло. Чистокровные германскіе арійцы возвращаются к топору. Если раньше—какое звѣрство!—сажали на кол, варили в

маслѣ, заливали горло растопленным металлом, разрывали надвое пригнутыми деревьями, — то к нашему времени изобрѣтена, наконец, гуманная (так и пишут: гуманная!) газовая комнатка: просто, мило и безболѣзненно.

Двуногое изобрѣтательно! От этой изобрѣтательности пятаются, поджав хвосты и дрожа мелкой животной дрожью, самые “кровожадные” звѣри, пасть которых привыкла к крови; зачѣм он, человек, это дѣлает, если он не ѣст мяса казненных? Молитвой шакала, вѣрещаго в метампсихоз, должно быть: “Господи, пусть я буду жабой, земляным червем и кожным паразитом,—но только не дай мнѣ стать человеком!”

Изю всѣхъ земныхъ существъ смертная казнь извѣстна только человеку; звѣри убивают и ѣдят мясо ими убитых,—но ни тюрьмами, ни казнями они не опозорили своего земного существованія. Убийство по суду изобрѣтено “царемъ природы”; изъ его безумѣйшихъ и отвратительнѣйшихъ обычаевъ, этотъ—самый устойчивый и прочный. И если подлинно когда-нибудь придетъ свѣтлое тысячелѣтіе, то его первый день ознаменуется, конечно, полной и дѣйствительной отмѣной этого подлѣйшаго изъ убійствъ, украшаемаго краснорѣчіемъ и статьями законовъ. Когда я вижу просвѣщеннаго гражданина и слышу изъ устъ его: “Вы принципиально, конечно, правы, но в извѣстныхъ случаяхъ, напримеръ на войнѣ. . .”—холодъ обручемъ сжимаетъ мнѣ голову, и мнѣ кажется, что лицо просвѣщеннаго искажено, его зубы скрипятъ отъ кровавой похоти, взоръ остеклянѣлъ и остановился, съ пальцевъ каплетъ сукровица. . .

*

**

Это—не статья противъ смертной казни съ полагающимися доказательствами того, что “высшая мѣра наказанія” не уменьшаетъ количества преступленій, что “ея отрицательной чертой является невозможность исправить судебную ошибку” и проч. Прошли времена, когда можно было полемизировать на подобныя темы; сейчасъ умѣстно лишь дѣлать людей на двѣ категории: на не допускающихъ самой мысли

о возможности применения смертной казни—и на человекоподобных, с которыми бесполезно и унижительно говорить. Изыскивать и приводить доводы против убийства по суду, как дѣлали авторы многих статей и книг, значило бы допускать предположеніе иного отвѣта, кромѣ рѣзко отрицательнаго; ни такого отвѣта, ни даже малѣйшей оговорки, с человеческой точки зрѣнія не может быть. Должны быть совершенно и в корни изменены все опыты отношенія к этому величайшему социальному злу. Для оцѣнки степеней культурности страны безразлично, применяется ли в ней смертная казнь в рѣдчайших случаяхъ, или она—обычное явленіе; происходит ли это в мирное или в военное время, в тылу или на фронтах. При оцѣнкѣ степеней участія в этом варварствѣ, не может быть никакого различія между дѣятельностью палача, судьи, обвинителя, присяжныхъ засѣдателей, того, кто приговор санкціонирует, и тѣх, кто, участвуя в законодательствѣ, терпят существованіе “законнаго” убійства,—все они равно участвуют в безчеловѣчности и равно за нее отвѣтственны. В чем, собственно, отличіе каинбала, который ѣст человека сырым, от другого, употребляющаго его в пищу лишь в жареном видѣ? Кто болѣе жесток: отрубающій фоксу хвост цѣликом — или отрубающій ему половину или только кончик хвоста? Посылающій на гильотину—или нажимающій ее спускъ? Если в чем-нибудь умѣстен крайній и безоговорочный максимализм—то прежде всего в этом “вопросѣ”. Всякія попытки градацій являются не только величайшим лицемеріем, но и основной причиной того, что убійство по суду до сих пор остается гнусностью мирового масштаба. Мало того, атрофія гуманистическаго чувства доходит у нѣкоторых до того, что они искренне возмущаются “казнями без суда и слѣдствія”, даже не понимая и не чувствуя, что подобное простое убійство еще может имѣть какое-то оправданіе, что именно слѣдствіе и суд дѣлают убійство казнью, и в человѣкѣ нормальном должны вызывать особое отвращеніе. Самосуд толпы, “суд Лигча”,

можно если не оправдать, то простить, объяснив страстью и врезанным порывом; то же можно сказать о всяком другом убийствѣ, вызванном ненормальным состояніем челоѣка— гнѣвом, ревностью, слѣпой страстью. Тут можно рассуждать о поступкѣ и его оцѣнивать. Суд “законный” убивает рассудочно, взвѣшенно и “по праву”,—в этом его отличие и весь его ужас, в этом холодѣ преступности, в этом торжествѣ соціального лицемѣрія!

Повторяю— я не хочу писать “статью” о смертной казни. Из портфеля газетных вырѣзок, из мелких замѣток, которыми культурная печать развлекает читателей, я хочу привести случайный десяток—с тѣми комментаріями, которых газеты не дѣлают, не желая читателей волновать или . . . сами неиспытывая ни волненія, ни негодованія.

*

**

Убийства по суду иногда поражают своей чарующей простотой; в этом отношеніи рекорды побивает Англія, умѣющая уважать закон, как бы этот закон ни был отвратителен и постыден. Так, по англійскому закону убійца автоматически приговаривается к смертной казни, если он виновен и не дѣйствовал в состояніи необходимой обороны; при этом признанія подсудимаго достаточно для признанія его виновным. За послѣдніе года рекорд малодлительности судебного процесса, окончившагося смертным приговором, довел до пяти и даже до четырех минут, в послѣднем случаѣ—включая экспертизу виновенности. Так были приговорены к смерти молодая женщина, 26 лѣт, убившая своего пятимѣсячнаго ребенка (Гильда Кери), и мужчина, из ревности убившій свою любовницу (Роберт Джемс Вент). Экспертиза виновенности чудовищ, произнесших приговор, конечно не производилась. В англійских газетах, год или два тому назад, печатались подробные некрологи стараго судьи Горація Эвори, побившаго рекорд численности вынесенных им смертных приговоров. Почти с восхищеніем журналисты писали, что другого такого судьи не знала исторія Англій. Его спокойствіе и вы-

держанность были безупречны. “Играл ли он в гольф, или приговаривал к смерти убийцу,—он говорил неизменно ровным голосом”. Он был аккуратец, как часы, лаконичен, дѣловит и 50 лѣт состоял членом одного клуба. Он был безупречным “джентлменом”. Чтобы сдѣлать его фигуру интереснѣе и загадочнѣе, в его некрологах рассказывалось, что он отмѣчал в своей записной книжечкѣ имена и адреса убитых по его приговорам и тайно посылал деньги и подарки их женам и дѣтям. “Под застывшей маской скрывался добрый человек”. Когда он умер, газеты помѣстили его портреты. Достаточно малаго вниманія и хотя бы элементарнаго знанія френологіи, чтобы увидать с ясностью, что популярнѣйшій и почтеннѣйшій лондонскій судья был выродком и сумасшедшим, что, впрочем, и без того ясно. И вот в странѣ, правосудіе которой довольствуется пятью минутами для приговора к смерти женщины, в отчаяніи убившей грудного ребенка,—десятки лѣт занимался систематическими и хладнокровными убійствами человекopodobный джентлмен, к которому не только не примѣнили излюбленной им статьи закона, но котораго ни разу даже не подвергли медицинской экспертизѣ!

“Застывшая маска”, скрывающая “добраго человека” нужна толпѣ, которая падка до необыкновеннаго. Оправдываемое законом преступленіе обладает всѣми чертами соблазна. Там, гдѣ казнь не публична, раздраженіе нервов сказывается в потокѣ писем присужденному, его обвинителю, рѣже — защитникам. В Америкѣ прокурор Кроу, “блестяще добивавшійся висѣлицы по дѣлу Леопольда и Лозба, получил со всѣх концов свѣта свыше 6.000 поощряющих писем; в перечнѣ стран нѣт только скандинавских, в которых убійство по суду не примѣняется. В 1908 году во Франціи популярнѣйшія уличныя газеты собирали подписи дѣтей под требованіем казни; то же самое происходило недавно в СССР, гдѣ дѣти, подражая взрослым, послали послѣ процесса “троцкистов” привѣтствія в Москву: “Мы ежедневно собирались у громкоговорителя и слушали

отчет о дѣлѣ. . . Позавчера мы прочитали приговор: “Всѣх убійцъ разстрѣлять!”—Мы были так рады!”—Впрочем дѣти имѣют полное основаніе интересоваться вопросом о смертной казни; года два тому назад, в цѣлях борьбы с дѣтской преступностью, в СССР издали декрет, по которому дѣти не моложе 12 лѣтъ могут подлежать высшей мѣрѣ наказанія. Напрасно думать, что такой чудовищный закон—привилегія нашей родины: приблизительно тогда же чрезвычайный суд в Матагаскарѣ (Гаванна) потребовал смертной казни для двух мальчиков, 9 и 5 лѣтъ, обвинявшихся в поджогѣ плантаціи сахарнаго тростника; телеграфное агентство не сообщило, были ли дѣти казнены или помилованы. Послѣ этого вряд ли можно удивляться, что в Блэкпортѣ (штат Нью-Йорка) была условно приговорена к смертной казни собака, вскочившая на спину купавшемуся мальчику, который от этого утонулъ; условно—лишь потому, что осталось невыясненным, та ли это именно собака; во всяком случаѣ предписано не выпускать ее из дому в теченіе 26 мѣсяцев, в противном случаѣ полицейскій должен застрѣлить ее на улицѣ. Процесс—явно средневѣковаго характера!

Что стоит человѣческая жизнь? Повидимому — она стоит малаго, раз поджог сахарной плантаціи одѣливается двумя дѣтскими жизнями. Но есть и иная ея расцѣнка. Богатыя Лондонская и Нью-Йоркская хроники упоминают о смертных приговорах, вынесенных 4-мъ за убійство старика (судей на этот раз была молодая женщина) и шестерым бандитам за убійство контролера станціи метрополитэна. Русская довоенная хроника (в малом уступающая пореволюціонной) знала не мало случаев казни болѣе десяти молодых людей в отищенье за смерть старых государственных дѣятелей, в свою очередь повинных в смерти тысяч. Но даже русскую практику повѣшенія сорвавшихся с петли (казнь декабристов) превзошла практика шанхайская — знаменитое двѣнадцатикратное повѣшеніе челоуѣка с необычайно крѣпкими шейными

мускулами. Китайцы суевѣрны: на двѣнадцатый раз все еще не приконченный преступник получил пожизненную каторгу.

Любопытно, что чѣм страна культурнѣе (или болѣе культурной считается), тѣм циничнѣе выполняются в ней судебныя убійства, тѣм большими они сопровождаются издѣвательствами, основанными на точном примѣненіи норм закона и на просвѣщенном “гуманизмѣ”. У нас в царскія времена вѣшали больных, поднося их к висѣлицѣ на носилках; это, конечно, жестоко. Не менѣе жестоко,— судя по газетным сообщеніям, был казнен недавно Зиновьев, впавшій в безпамятство, рвавшій на себѣ волосы и “вызжавшій, как женщина”; вот краткое и малограмотное описаніе расправы: “Лейтенант схватил его лѣвой рукой за волосы, пригнул голову и правой рукой выстрѣлил в затылок”. Европа и Америка таких некрасивых сцен не допускают. Сторонникам смертной казни слѣдует ознакомиться с болѣе утопченными приемами законных убійств. Приведу нѣсколько описаній:

“Казнь газом — сравнительно недавнее новшество. Впервые она была испробована (!) послѣ войны в Кэрсон-Сити, при чем первый опыт оказался драматическим (цитирую точно — каков слог!): смертник, почувствовав приступы удушья, разбил стекло толщиной в два сантиметра, через которое должностныя лица и журналисты наблюдали за агоніей. Смертоносный газ стал распространяться по корридорам тюрьмы, и администраціи с трудом удалось предупредить массовое отравленіе заключенных. Теперь подобные случаи невозможны: всѣ детали казни заранѣе предусмотрены. Осужденнаго вводят в камеру, цѣпком сбѣлающую из стали, и привязывают к креслу. Палач, падающійся внѣ камеры, нажимает кнопку, и десять шариков цѣанистаго кали, подвѣшенные над сосудом с сѣрной кислотой, падают в жидкость. Немедленно начинается химическая реакція с выдѣленіем сипильнаго газа; смертник погибает почти мгновенно от паралича сердца”.

Именно этот способ казни с полной серьезностью называется гуманным. Но не только химия служит гуманизму,—не отстает и медицина. Так, в Америкѣ закон (у нас отсутствовавшій и вряд ли теперь введенный) гуманно запрещает казнить больного. И вот какой случай произошел в штатѣ Колорадо. За двѣ педѣли до казни смертник Джанофа (в Америкѣ как то особенно охотно казнят итальянцев!) почувствовал нехоти приступ аппендицита. Больному любезно предложили операцію. Он не считал выгодным выздоравливать и от операціи отказался, учтя, что другой закон запрещает оперировать человѣка вопреки его желанію. Но так как, по страшной психологической несообразности, мучительныя боли иногда бывают хуже смерти, — Джанофа в концѣ концов был вынужден согласиться на операцію, которая “сошла благополучно”. Большой выздоровѣлъ достаточно для смертной казни, но еще недостаточно, чтобы перейти на любую пищу. Наканунѣ казни—по обычаю—смертнику предложили заказать себѣ обильный обѣд по своему вкусу и выбору. Он это сдѣлал — но встрѣтил оппозицію со стороны медицинскои науки: врач предписал ему оставаться на діетѣ. Так он и был казнен: авторитетнаго мнѣнія о вліяніи на здоровье газовой комнаты врач, очевидно, не высказал.

Болѣе тонкій и inferнальный анекдот связан с рассказом о казни Франка Гарвса в Лондонѣ. Этот человѣкъ был повѣшен под псевдонимом, хотя суду была известна его подлинная фамилія (Чарльз-Малькольмъ Лэйк). Но у молодого человѣка была старая и большая мать, и он не хотѣлъ, чтобы она узнала о его ужасной судьбѣ. Гуманный англійскій суд внял его просьбѣ и, жалѣя мать, убил ея сына под другой фамиліей. По словам англійских газет, этот акт судебного гуманизма вызвал “всеобщее одобрение”. — И никому не пришло в голову, что в этом дѣлѣ был только один гуманный человѣкъ: тот, котораго повѣсили; что всѣ остальные и судьи и публика, были слезоточивыми крокодилами, тысячеголовым чудовищем с

крестиком на волосатой шеѣ! Порой кажется, что низколобый дикарь Гитлер, вернувшій к жизни топор и молодцоватаго палача, человѣчиѣе англійских джентлеменов.

Насколько люди могут не сознавать ужаса своих изящных фраз, доказывает случайно прочитанная мною замѣтка во французской газетѣ “Энтрансжан”—телеграмма из Метца, гдѣ был приговорен к смерти убійца дѣвочки, Франсуа Блюм: “Хорошо, справедливо и утѣшительно было узнать о таком вердиктѣ присяжных, неумолимая строгость котораго была необходима. Публика, переполнявшая зал судебного засѣданія, встрѣтила приговор с достоинством, но и с облегченным чувством, без единого аплодисмента (!), без единого жеста”. — Имя талантливаго журналиста—Жан Ж.-Шарль; я записал его имя в памятную книжку, чтобы, в случаѣ встрѣчи с этим человѣком—убѣжать и спрятаться в одном из подземелій, предназначенных для спасенія от удушливых газов.

Я приведу (и тѣм закончу) еще одну цитату — из интервью с крупнѣйшим государственным дѣятелем, оставившим свой пост. Он говорит:

“Много бессонных ночей стоит мнѣ подписаніе смертнаго приговора. Эти дни отмѣчены в моем календарѣ черными крестами. Я внимательно слѣдил за тѣм, оказывает ли смертная казнь влияние на количество преступленій, изучал статистику, и пришел к убѣжденію, что устрашающаго дѣйствія смертная казнь не имѣет: в момент совершенія своего злого дѣла преступник думает об его успѣхѣ, а не о размѣрѣ наказанія, за него полагающагося. Я вѣрю и жду, что смертная казнь исчезнет под влияніем развитія культуры и моральнаго подъема человѣчества”. — Свое признаніе он заканчивает словами: “Я горд тѣм, что в качествѣ главы государства не отрекся ни от единой вещи, в которую вѣрил, будучи бѣдным студентом. Я счастлив, что не измѣнил своей вѣрѣ в гуманизм и демократію”.

В этой короткой рѣчи можно подвергнуть страшному анализу каждое слово; но ограничимся только одной

фразой: “я вѣрю и жду, что смертная казнь исчезнет под влияніем развитія культуры и моральнаго подъема человѣчества”. Исчезнет сама собою? Даже если этому не помогут вѣрящіе? Если они только “ждут”? Нѣтъ, они этого не дождутся! Ни культура, ни “моральный подъемъ человѣчества” не сдѣлают скачка через положенное на ихъ пути препятствіе! Через каменную стѣну нѣтъ проѣзда — нужно сначала разрушить ее. И не разрушит ся изученіе статистики и разслѣдованіе вопроса о “полезности” или “бесполезности” убійства по суду! Пока вопрос ставится так—спасенія нѣтъ, культуры нѣтъ, и не может быть никакого “моральнаго подъема”!

Вот потому то и невозможно писать статьи “против смертной казни”, обсуждать будто бы могущіе существовать “за” и “против”, толковать гуманизм, как какую то теорію, тогда как это только простое чувство человѣчности, человѣческаго достоинства,—которое может у человѣка быть, может отсутствовать, но не может одновременно быть и не быть в словесных и потому кощунственных отгѣнках.

**

Наше время, страшное не столько сущим, сколько предстоящим, нуждается в новых средствах обороны против окончательнаго узаконенія безчеловѣчности. Средненьким чувствам и благовоспитанному лицемѣрію нужно противопоставить вопль отчаянія и дѣйственную угрозу. Войнам не будет конца, пока самое “военное дѣло” не будет покрыто позором (а не славой, как сейчас!) и не станет влущать отвращенія. Казням не будет предѣла, пока убійца-юрист, убійца-правитель, убійца-законодатель не будут в общественном мнѣніи по крайней мѣрѣ приравнены в нравственном отношеніи к убійцам-исполнителям, палачам на жалованіи и на поштучной оплатѣ. Гуманизм останется жалким и кощунственным словом, пока ясность и простоту нравственной оцѣнки мы будем опутывать колючей проволокой утилитарных, правовых, временных отговорок, противопоставая принципіальности — практику

сегодняшнего дня. Царь-садист Иван Грозный, рыдая над синодиком им же “убиенных и замученных”, отлично сознавал, что он злодѣй и убійца; мы занимаемся статистикой и выясняем вопрос об относительной бесполезности, смягчая безуміе войны—красным крестом, преступность судебных убійств—гуманной газовой комнатой. Надо понять, что “вопроса” больше пѣт,—есть только узаконенное звѣрство, котораго нельзя ни прощать, ни объяснять, ни замалчивать,—дорожа хоть сколько-нибудь званіем чловѣка.

МИХ. ОСОРГИН